Андрей Бунев: Для решения проблем в области леса нужна политическая воля

На прошлой неделе Чунский район посетил руководитель Следственного управления Следственного комитета России по Иркутской области, генерал-майор юстиции Андрей Бунев. Андрей Юрьевич провел несколько рабочих встреч, прием граждан по личным вопросам, а также встретился с журналистами. О незаконных лесных рубках, детских суицидах, человечности следователя и коррупции в органах власти это интервью.

Андрей Юрьевич, я давно мечтала задать этот вопрос Вам лично: что происходит с кадровой ситуацией в следственном отделе по Чунскому району? За два года у нас сменилось пять руководителей, почему так происходит?

Нагрузки у нас большие, люди не всегда выдерживают. Знаете анекдот про нашу систему? Следователь приходит на работу к девяти и уходит в шесть. Так один день, второй, третий. На него коллеги начинают коситься, а он: «Ребята, вы чего? Я же в отпуске!». У нас непросто

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

работать, не все выдерживают. Но сейчас кадровая ситуация нормализуется. Приехали специально посмотреть, в том числе и из-за этой ситуации, о которой вы говорите. Я вам обещаю, что кадровая ситуация будет решена в ближайшее время. Это единственный отдел во всей области, где такая ситуация, других нет — Чуна особенная.

С какими показателями региональное Следственное управление, следственный отдел по Чунскому району встретили 2019 год?

Чунский район тяжелый с нашей точки зрения. Я пришел в управление СКР по Иркутской области в 2013 году. Годом ранее, в 2012, по всей области было около 560 убийств. Сейчас их 260 за год — снижение в два раза. Снизилось количество случаев умышленного причинения вреда здоровью, повлекшее смерть, снизилось количество детских разбоев – в десять раз за пять лет. По всей Иркутской области динамика на существенное снижение преступлений прослеживается очень четко. Чунский район выбивается из этого ряда, устойчивой динамики на снижение количества преступлений здесь нет. Незначительное снижение есть, но далеко не такое активное. Связано это в первую очередь с социально-экономической ситуацией. В тех территориях, которые можно назвать благополучными, идет снижение преступлений. В территориях со сложной экономической ситуацией остаемся на том же уровне. Все абсолютно закономерно.

Одна из наших самых больших проблем: незаконные рубки леса. По количеству «черных» лесорубов Иркутская область лидирует в России, Чунский район лидирует в Иркутской области. Есть ли решение?

На мой взгляд, для решения проблем в области леса нужна политическая воля областного правительства. Если она есть — проблема решается. Лесных регионов в Росси сколько? Хабаровский край, Красноярский край, Пермский край, некоторые республики. Понятно, что в Иркутской области добыча леса наибольшая, но и в других регионах добывается немало. Но там эти вопросы решены – исключительно воля власти.

Что такое лес? Разговаривал с людьми, которые работали в советские времена, все они говорят, что ранее лесная отрасль давала в бюджет области всегда по разным оценкам от 30 до 50% бюджета. Пять лет назад — 1,4%. В прошлом году — 3-4%. Мы знаем, сколько составляет бюджет региона. Вопрос: а где эти 50, 60, 70 миллиардов? Полиция за прошлые годы крайне существенно активизировала работу по черным лесорубам, многих стали привлекать к уголовной ответственности, и если раньше все получали наказание условно, то сейчас это, как правило, лишение свободы. Однако этого мало, потому что сами лесорубы — это последний этап. Это люди, мужики, которые живут в лесу, которые лес всегда добывали и будут добывать, легально или нелегально.

Любая нелегальная добыча организованна, и все мы прекрасно понимаем, что просто так в лес с топором не пойдешь. Это организованная преступная деятельность. Когда эта деятельность

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

легальна, намного лучше людям. У работников есть социальные гарантии, добросовестные лесозаготовители активно участвуют в жизни территории. Если деятельность нелегальная, то этого нет. Если работа легальна, в какой-то степени присутствует лесовосстановление, соответственно, при нелегальных заготовках об этом речь не идет.

Посмотрите этапы: добыли черные лесорубы лес, дальше он идет на так называемые пилорамы. В советское время в регионе пилорамы были далеко не у каждого лесхоза. Их было немного, они выполняли функции распиловки леса уже на готовые строительные материалы. Сколько их сейчас? Тысячи. И их основная задача – смешивание легального и нелегального леса, потому что после пилорамы источник, откуда лес получен, определить невозможно. Земля, на которой они расположены, по документам используется под другие нужды, нарушаются правила пожарной безопасности, как на самих объектах, так и на местах складирования отходов, проживания работников. Какая проблема их закрыть, если работают они с нарушениями? Приходят контрольные органы, в соответствующем порядке закрывают объект, он больше не существует — проблемы нет.

Далее: крупные пункты приема и отгрузки леса. Три-четыре года назад, когда активно начали работать в лесной теме, мы проверили 22 крупных базы по всей области. Ни на одной базе мы не нашли ни одного сертифицированного погрузочного устройства. Ни одного сертифицированного подъемного устройства, ни одного лицензированного крановщика. Власти там просто нет, делают что хотят. Там не законов, там нет правил, и никто их не собирается соблюдать. Как они тогда работают и почему? Что мешает прекратить эту работу в установленном законом порядке? Никакой закон дополнительный для этого не нужен. Да, лесной кодекс несовершенен, его надо менять, но это уже другие вещи. Почему те, кто работают незаконно, продолжают это делать?

Следующий этап: те регионы, которые решали задачу нормализации лесной деятельности, шли путем субсидирования. Государство выделяет деньги, допустим, 60%, 40% дает предприниматель. Все абсолютно прозрачно и понятно. А мы в Иркутской области как на это смотрим? Если кому-то дает государство деньги, значит, попилили. Почему? Потому что все это непрозрачно. Масса регионов, которые эту прозрачность обеспечили и никому в голову не приходит подумать плохое. Подключена общественность, СМИ. Все видят: кто лучшие условия заявил, те и выиграли конкурс. Это на самом деле не сложно. Почему этого нет у нас?

Я в свое время предлагал раз в месяц проводить рабочие совещания либо при губернаторе, либо при председателе правительства с привлечением общественности. Обсуждать, что сделали за месяц, и что надо сделать в течение следующего. Публично, открыто, прозрачно рассматривать вопросы, чтобы все видели и все слышали. Да, было принято решение, было определено, что начнется эта работа. Так вот, ни одного совещания не было. Были какие-то раз в год, раз в полгода, но они не стали рабочими: выступил министр, выступил еще кто-то, они отчитались, но нет рабочего обсуждения, нет привлечения к этим обсуждениям широкой общественности. И пока не начнется абсолютно прозрачная работа, пока не будет

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

политической воли — существенных результатов не будет. Здесь люди живут, людям надо работать, зарабатывать. Они все равно будут пилить лес, кого-то из них будут периодически сажать. Их надо просто перевести в легальное русло. И это задачу надо решать всем миром, какое-то одно ведомство ее никогда не решит.

Как обстоят дела с преступлениями в отношении несовершеннолетних, совершенные несовершеннолетними?

Ситуация с преступностью взрослых хуже. По детям в Чунском районе ситуация такая же, как и везде. А если брать детские самоубийства, то здесь их практически нет, в отличие от других территорий.

Мы по каждому детскому самоубийству возбуждаем уголовное дело и ищем причину. Детских суицидов у нас очень много. Представьте, в Москве 28, и у нас — 28. Следующий регион Свердловская область, там 14. Соседние субъекты: 4-6 за год. Почему? Мне это понятно, много раз озвучивалось. Живет ребенок в деревне, сидит дома. Заняться нечем, мысли свои гоняет. Ушел в депрессию, пошел в сарай и …

Все упирается в деньги. Например, Бурятия – регион намного менее богатый, чем Иркутская область, но на детский спорт идет в два раза больше денег, чем у нас. Красноярск – разница в 10-12 раз. Секции бесплатны, и даже если родители выпивают, есть тренер, ребенку уделяют внимание. Школа стала намного более формальной, ребенок сам по себе. Выделяются деньги на детский спорт, культуру, ремесла, значит, ребенок занят. Не выделяются – ребенок остается наедине со своими мыслями. Если жалеет Иркутская область денег на собственных детей – что тут сделаешь? Бюджет региона каждый год растет, потому что нефтяники развиваются. Деньги в бюджет идут, но тратятся на другие цели. Уникальный регион в этом плане. Много об этом говорю, никто не подхватывает мысль. Ни власть, ни журналисты, ни общество – никому это не нужно.

Насильственные действия сексуального характера в отношении детей?…

Много. Количество в сравнении с другими регионами огромное. Несколько лет назад сюда приехал и поразился. Есть территории в области, я не буду их называть, где граждане не заявляли об изнасиловании несовершеннолетних, не считая это чем-то зазорным. Это не один, не два и не десять случаев. Я подчиненным команду дал: ездили по поселкам совместно с полицией, объясняли, что, если изнасиловали ребенка, заявляйте в правоохранительные органы, это жесточайшее преступление. И если человек начал это делать, то не перестанет.

На этих территориях количество возбужденных уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении детей за год выросло в шесть-восемь раз. Их не стало больше совершаться, о них просто стали заявлять. Все преступления раскрыты, преступников привлекали к уголовной ответственности. Но меньше их не становится, это несколько сотен преступлений каждый год

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

по области. Были мысли, что выросло за счет разъяснительной работы, мы их сейчас быстренько пересадим, и количество уменьшится. Но нет, уже пять лет этой работе и несколько сот каждый год.

А люди эти вменяемые?

Нет таких случаев, чтобы эти преступления совершали лица, признанные судом невменяемыми. Я считаю, что они в какой-то степени имеют психические отклонения, но не до такой степени. Они признаются вменяемыми, и все идут в места лишения свободы в колонии. За пять лет мы посадили несколько тысяч преступников такого плана.

Андрей Юрьевич, время от времени слышим об уголовных делах в отношении представителей власти…

Иркутская область — чемпион в России по количеству посадок глав. За пять лет — 52 лица, нигде такого нет. Но если были годы, когда таких дел было 17-18, то сейчас почти не стало, вероятно, стали задумываться о своих действиях. Была интересная для меня ситуация: два года назад я пришел на заседание ассоциации муниципальных образований Иркутской области, и выступил. Объяснил, что в России уже далеко все не так, как было десять лет назад. «Думайте, что вы делаете, чтобы ваши действия поняли однозначно. Потом что вы что-то сделаете как раньше, а посчитают, что вы взятку взяли». Возмущений не было, что поразило — честные же люди в зале сидят, вроде возмутиться должны. Все покивали головами, а через два дня на банальной взятке мы задерживаем главу Казачинско-Ленского района. После этого случая количество резко снизилось. Сейчас, если такие дела и есть, то это превышение должностных полномочий, злоупотребление. Взятки брать перестали.

А лица, наделенные другой властью? Правоохранительные органы в поле зрения следователей часто попадают?

Был год, когда я привлек к уголовной ответственности четырех своих сотрудников. Это было на втором году моей службы в регионе. Каждый год даже по сотрудникам Следственного управления эти случаи есть. Были в России времена, когда эти случаи укрывались. Сегодня такое в голову никому не придет. Есть привлеченные другие категории правоохранителей. Работа ведется, и сейчас такие времена, когда никто не станет помогать, укрывать. Если ты пришел служить закону, думай, что ты делаешь. Если нарушил закон, значит должен максимально ответить.

Как обстоят дела в части раскрытия преступлений, совершенных несколько лет назад – в начале нулевых, в девяностые?

Каждый год мы раскрываем порядка 250 преступлений, совершенных 10-20 лет назад. Это дела, которые лежали в архиве на полочке, сейчас мы их с этой полочки берем, раскрываем и

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

привлекаем людей. И это только благодаря возможностям, которые появились в нашей экспертной деятельности. Они уникальны, как в космосе. Мы в экспертной деятельности работаем на той же самой аппаратуре и по тем же технологиям, на которых сегодня работают Британия, Германия, США. Ничем не хуже. Технологии самые передовые в мире в этом плане.

До того, как экспертная работа вышла на новый уровень, раскрываемость убийств была 80%, сейчас — 97. Умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть – было 78%, стало 97%. Раскрываемость по тяжким и особо тяжким преступлениям высокая.

Андрей Юрьевич, вопрос личного характера. В прошлом году Вы отпраздновали свое тридцатилетие службы в следственных органах. Почему когда-то выбрали путь борьбы с преступностью?

Я не выбирал для себя путь борьбы с преступностью, здесь другая ситуация. Кто-то любит кроссворды разгадывать, кто-то любит водку пить. Я люблю расследовать преступления. Это очень интересно. В свое время, когда я руководил подразделением в Красноярском крае, через меня прошли все серийные маньяки. Понимаете, приезжаешь, и лежит ребенок убитый, растерзанный. Проходит три дня, и не нашли никого. А затем еще один ребенок. Это ужасная картина. Найти того, кто это сделал – дело принципа, потому что знаешь, что пока ты не найдешь, дети будут гибнуть.

Это интересная работа сама по себе. Нет цели борьбы с преступностью, то есть она есть, конечно, но работаю не из-за этого. Вот вы спросили, почему в Следственном комитете такая текучка? У нас зарплата неплохая, есть льготы. Но из-за этой зарплаты или социальной льготы работать никто не будет. День рождения жены — тебя подняли на работу. День рождения ребенка – ты на работе. Следователь приходит на службу рано, уходит поздно. Двое суток не спал, пришел домой, а его через час подняли: где-то что-то случилось. Эту работу нужно очень любить, и только тогда здесь можно работать.

Что самое страшное в службе следователя?

Предательство. И смерть. К смерти привыкаешь, но к детской смерти привыкнуть невозможно. Я ее очень много видел, но так и не привык. Когда у семейной пары долго не получается родить ребенка, потом этот ребенок долгожданный появляется, живет несколько лет, и кто-то его убил — не знаю, как родители после этого живут. Это очень страшно.

Профессия, безусловно, накладывает отпечаток на личность. Как говорят: через полминуты разговора видно врача, полицейского и следователя. А невозможно в нашей работе без человечности. Часто бывает такое – приходит кандидат и говорит: хочу всех к ногтю прижать. Мы не берем таких. Если человеку неподходящему дать власть, это трагедия человеческая. Страшно попасть к таким сотрудникам. Те, кто черствеют, либо уходят, либо система от них избавляется. Нельзя здесь быть бесчеловечным.

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

Екатерина Емелина,
«Чунский край»

04 Мая 2019

Адрес страницы: https://irk.sledcom.ru/folder/878917/item/1473860

© 2024 Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области